

УДК 316.334

В. Е. Шедяков
доктор соціологічних наук,
кандидат економічних наук, доцент,
незалежний дослідник

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Культура – сложное многоаспектное понятие, разные стороны которого с успехом раскрываются представителями различных научных школ, подходов и исследовательских стилистик. Например, был изучен потенциал и различия в соотношении культуры общества, группы и индивида; материальной и духовной; политической, социальной и экономической сфер жизни [1–5]. Постсовременные же её трансформации включают в себя качественно различные процессы сорезонирования разнообразных измерений: каждому из них присущи свои специфические внутренние закономерности развития – прогнозируемые и непрогнозируемые; стихийные и целенаправленные; уникальные и стандартные; случайные и закономерные; управляемые, самоуправляемые и управляемые; циклично-волнообразные и необратимо-поступательные (как прогрессивные, так и регрессивные). При этом развёртывание культурно-цивилизационных миров под влиянием их ценностно-смысловых комплексов знало разнообразные периоды своего развития [6–9]. В них разные исследовательские школы выделяют, в соответствии со своими подходами и научными задачами, различные особенности и движущие силы, этапы, фазы, ритмы, волны и циклы и проч.

Безусловно, социокультурное воздействие на общественные трансформации изучается давно, в том числе с позиций стимулирования как позитивных, так и негативных общественных мутаций. Так, активное направленное исследование значения культуры в процессе трансформаций исторического масштаба велось с момента выделения науки о формировании и развитии общества, создавая условия для накопления знания о возможном и неотвратимом, помогая создавать, видеть и использовать шансы. При этом значение соотношения рациональных и иррациональных, объективных и субъективных материальных и духовных факторов движения общества воспринималось неоднозначно. К примеру, под влиянием религиозного истолкования картины мира соотношение закономерного и случайного рассматривалось в контексте божественного предначертания и предопределённости человеческой активности. Вместе с тем если в рациональном начале часто виделась целенаправленность, а в его результатах – отражение закономерности, то с иррациональным связывались преимущественно случайности, отклонения от «столбовой дороги истории».

В наше время в изучении факторов и процесса общественных трансформаций весьма преуспели, в частности, такие исследователи, как В.П. Андрущенко, В.А. Вазюлин, В.В. Василькова, И.Н. Барыгин, Л.Г. Бурмистрова, В.М. Быченко, А.Г. Зарубин, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, А.И. Кравченко, П.В. Романов, С.Н. Труфанов, И.В. Черникова, В.П. Фофанов, В.В. Шилов, В.А. Ядов, И.П. Яковлев, Е.Р. Ярская-Смирнова. Для задач нашего анализа особенно ценным являются результаты изучения С.С. Аверинцевым, Д.С. Лихачёвым, А.Ф. Лосевым, В.М. Межуевым, И.М. Мелиховым, С.Л. Франком.

Приближение к состоянию общества, расцениваемому как справедливое, дающее возможности для свободного творчества и социального равенства, формирует отношения доверия и позволяет создать социокультурные поля, способствующие процессам социализации/аккультурации и обеспечивающие социальное согласие и социально ответственное поведение на основе базовых ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира. Тем самым открываются и усиливаются перспективы достижения качества соборности в гармонии сочетания разнообразных интересов в череде Сверхпроектов, инициирующих,

аккумулирующих и формообразующих творческий порыв поколений.

Во времена концентрированных изменений жить приходится по новым, не до конца сформулированным и понятным правилам. При этом снижаются возможности продуктивно опираться на десятилетиями накопленную мудрость и апробированные рекомендации. Так что представляется вполне естественным, что для повышения качества научных исследований, прогнозирования и создания конструктивных рекомендаций происходящие глубинные перемены заново возвращают к диалектике содержания и форм: предметно-вещественных и общественных – социально-экономических – трендов, требуют нового прочтения путей методологической оптимизации, раскрытия соотношения сущности и видимости хозяйственных феноменов, поисков социокультурных оснований экзогенного экономического развития.

Очевидно, что в глобальных масштабах условия формирования новых траекторий настоятельно требуют принятия адекватных логике истории личностных Решений и общественных Выборов, в определённости которых и выявляется заново как качество жизни людей каждого культурно-цивилизационного мира, так и место конкретной страны среди прочих. По мере же осуществления социально-экономического и технико-технологического прогресса люди всё в большей степени раскрывают свои качества как отнюдь не только потребители привычных природных и общественных благ, но и творцы условий своего существования. Соответствующим образом, конкурирующие программы изучения и преобразования мира материальной и духовной культуры не только предоставляют ресурсно-методологические базы, но и формируют цели социально-экономического развития. Ценности по своей природе как раз и являются личностным срезом общественного сознания, раскрываясь через познание идеального, духовного, общекультурного. Не только ценности качественного образования, медицины, культуры и искусства выше среди преуспевших народов и семей, но и акцентирование самих этих ценностей помогает в форсированном становлении и более справедливом распределении общественного богатства, обеспечении прогрессивной социальной и индивидуальной мотивации. Смыслы жизнедеятельности человеческой и культурно-цивилизационных миров определяют направленность, темпы, формы и очередность трансформации их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего мира. С данной точки зрения духовные отношения и социокультурная сфера – вовсе не «надстройка», а именно стержень экономики, решающий фактор общественных перемен.

Условия же (пост)модерна лишают опоры на доминирование привычных ресурсных и методологических баз, ставших обычными для общественных устоев, а теперь уже и природной данности: они сами испытывают мощное влияние человеческой ойкумены, да и отдельный человек в процессе жизни в состоянии достаточно легко сменить конкретную жизненную нишу. Соответственно, процессы нарастания пост(недо)модерна кардинально трансформируют роль культуры в жизни как отдельных культурно-цивилизационных миров, так и для результатов их полилога, её инструменты: глобализация, виртуализация, атомизация и проч. обеспечивают стабильную нестабильность социальной и природной среды. Человек вводится в состояние постоянного выбора или готовности к отказу от него в пользу стереотипов потребления материальных и духовных благ. При

этом и сама культура создается уже отнюдь не для узкого круга, а, напротив, испытывается «на излом» вероятностью самых причудливых контактов. И человек получает широкие возможности взаимодействия (прежде всего, за счёт «новых медиа») с самыми разными собеседниками. Многообразие и контрастность бытия по-разному складываются в многоуровневые пути общественных трансформаций, за которыми проступают очертания процессов, зиждущихся на сочетании архаического уровня социальности (фольклор, этноосмысление, религиозные отличия) с осевыми (опосредование миропонимания великим священнослужителем и отнесением себя к одному из культурно-цивилизационных миров), современными и постмодерными моделями. Скользящие сочетания хаоса и порядка даруют всё новые комбинации состояний и диапазоны возможностей развития Украины. И когда-то казавшиеся неизбежными общественные устои (как и природные ландшафты) всё в большей мере требуют защиты.

Таким образом, история выработала некоторые не всегда очевидные закономерности течения процессов исторического масштаба, в которые мы вступили. Причём в существенной степени, по общему правилу, знание их характера может с лихвой компенсировать отсутствие полноты частной информации. Вместе с тем мы живём в период кардинальных трансформаций общества, всей ойкумены, их перехода в иное качество, что дарует шанс подняться в осознании некоторых закономерностей мира, уточнить представление о своём месте в нём [10, с. 3]. По известному мнению, «только в так называемых переходных эпохах можно опытному уху подслушать таинственный рост истории» [11, с. 315]. В данной ситуации задача статьи – рассмотрение культуры как фактора социетальных трансформаций.

Выделение самостоятельных первичных ценностно-смысловых комплексов отдельных культурно-цивилизационных миров было зафиксировано, в первую очередь, в «осевое» время с развитием формообразованием и воплощением в сакральных текстах особенностей своего мировосприятия, выделением фольклора, языка, этноосмысления, религиозных отличий, что дало возможности уже не на племенном, трайбалистском уровне, а на более общих основаниях разграничивать своих и не-своих. В данной ситуации в эволюции растёт роль факторов неэкономических, прогресс осуществляется не столько стадийно (диахронно), сколько синхронно, привычные классовые антагонизмы часто подчиняются, дополняются и замещаются иными: социальными, этническими, религиозными, несмотря на попытки отбросить общество к условиям «дикого капитализма».

При этом в процессе общественных трансформаций происходит не только изменение роли элементов и целостности ценностно-смысловых комплексов, но и их обогащение/взаимообогащение. Таким образом, духовные и материальные ценности цивилизации – основное содержание культуры. Их развитие – показатель состояния культурно-цивилизационного мира; а отношение к человеку человека (проявляемое, прежде всего, в качестве и продолжительности жизни, объёме прав и возможностей творческой реализации), с одной стороны, сохранение и наращивание признаков цивилизованности – основные критерии прогресса. Причём фиксация достижений культуры на осях стоимостного и ценностного содержания позволила развиваться деятельности и ценностному подходу их освоения, соответственно, стоимостно-праксеологическому и ценностно-аксиологическому направлениям их изучения. Вместе с тем из каждого вида модели (традиционной, современной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику, соответственно, как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и осуществляемой динамике своих трансформаций [12–15].

С развитием же практики (в том числе интеллектуальной) наука создает предпосылки для рационального освоения действительности. Однако вплоть до Нового времени наполнение духовностью связывается преимущественно с

религиозными практиками. Впрочем, соотношение разума и веры, науки и культуры, возможности целенаправленного влияния на течение исторического процесса, закономерности социального времени, роль объективного и субъективного, рационального и иррационального факторов общественных трансформаций по-разному раскрывались адептами разных подходов, например, энциклопедистами, сторонниками шотландской школы и классической немецкой философии. Между тем, интеллектуальная культура (и одно из ее высших воплощений – культура научная) – сегодня не просто феномен культуры. Именно реализация и развитие научно-интеллектуального потенциала становятся по мере роста объема и значения информационного обмена мощнейшим фактором жизни общества, партнерства и конкуренции культурно-цивилизационных миров. На разных этапах своего развития ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров трансформируются, формоизменяются. Критерий общественного прогресса, таким образом, по самой своей сущности должен быть конкретно-историческим, то есть сложным, комплексным и целостным, должен проникать во все важнейшие стороны социального развития и отражать изменение как качества жизни и возможности творческого раскрытия отдельной личности, так и нарастание «культурно-цивилизационного слоя», увеличение плотности «социального полотна», «социальной ткани». Только тогда он позволяет устанавливать действительное место того или иного социального явления в истории, обнаруживать истинное соотношение динамических изменений в обществе. И только тогда он может рассматриваться в качестве универсального для данных исторических условий.

В частности, ни один ценностно-смысловой комплекс при свойственном постмодерну разнообразии моделей социокультурного антропогенеза не может рассматриваться как единственно приемлемый для человечества. Подходы (пост)модерна связаны не с попытками навязать свою модель социогенеза (как при модерне), а с согласием на развёртывание особенностей ценностно-смысловых комплексов различных культурно-цивилизационных миров. Новая парадигма – это жажда свободы (хоть не всегда способность к свободе, отсюда и опасность тотальной маргинализации общества). Переход к основаниям свободы является одновременно и отказом от единственности базиса, и утверждением всеобщности плюрализма. Нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Исчезает понятие периферийности той или иной культуры: все – равноценны и равноправны. Гуманность, человечность признаются выше всех и любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необязательным диапазоном собственных моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор, пока не покушаются на выбор других. В этой связи и содержание понятий «развитие», «прогресс», «социогенез» нуждается в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного роста оно должно ориентироваться на такие этические ценности, как справедливость, свобода выбора, терпимость.

Одновременно страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоёв населения на задачах гражданского согласия и достижения соборности общественного устройства. Предпосылкой для этого выступает слом административно-бюрократического панциря, преодоление милитаристского окостенения, глубокие демократические преобразования, позволяющие широким кругам народа участвовать в выработке общественно значимых решений, в развитии и осуществлении гражданами своих дарований при формировании государственной политики. Важным оказывается умение государства удерживать баланс решений между интересами экономически «сильных» и «слабых», лидеров и аутсайдеров, готовность предотвращать

произвол и ошибки своих представителей и создавать среду, поддерживающую позитивные инновации и предотвращает негативные. Это, собственно, и характеризует формирование собственной модели успеха как обновление общественного каркаса реализации базовых ценностно-смысловых комплексов нашего культурно-цивилизационного мира. Можно констатировать, что появление «турбулентных завихрений» в истории, революций, объективно, как объективны и реформы. Другое дело, что качество самого духа революционности как локомотива истории давно перешло к отношениям другого плана, и попытки диктатуры любой группы в среднеразвитом обществе становятся регрессивными, контрпродуктивными.

Так реализуется соотношение устойчивости и изменчивости, цивилизации и личности. Присвоение объектов прошлой деятельности становится и освоением социокультурного поля в целом, приращением всей социокультурной ткани ойкумены [16–19]. Этот процесс волнообразного (спиралевидного) развития социальности – сущность процесс развёртывания циклов развития культурно-цивилизационных миров. Причём если в привычном варианте реализация ценностно-смысловых комплексов осуществлялась в модели заведомо целостной социокультурной системы, то формирующаяся мультикультурная несистемная социальная целостность – объект конгломератный, мозаичный. Первая конституировалась социально-личным началом, вторая – организуется индивидуально-психологическим уровнем. Первая допускала приоритет иерархичных организаций и неравенство разных частей, вторая предполагает нормативность равенства элементов и гармонии, отсутствие предварительно установленного масштаба и шаблона. Если социальная система завершает историю социально-личной эпохи, то несистемная социальная общность открывает эпоху индивидуально-психологического развития. Однако в настоящее время эти отличия не абсолютны; в период трансформации общества их черты налагаются и пересекаются. Соответственно, желание отстоять свой общественный уклад выступает мощным стимулом (пост)глобального сепаратизма. Социальная система становится особым типом системного объекта, образованным не атомами-ингредиентами, а социальными связями.

Процесс общественных трансформаций переносит исторические акценты от модели социально-экономической системы, формирующей национальные государства, к социокультурной целостности, тяготеющей к децентрализованному объединению. Соответствующим образом трансформируется и историческая продуктивность социальных образований, меняется эффективность признаков открытых и закрытых образований. Культура создается уже не для узкого верхушечного слоя общества, а для всех. В ней формируется возможность и множества своих локальных пространств, и самых разнообразных контактов и пересечений. Объективируется социальная потребность в запрете на насильственное манипулирование инновациями даже аутсайдерского типа, на разрушение даже контркультурных логик: новая эпоха создает культурные миры, где есть место всем. Творчество становится не только идеально всеобщим, но и реально всеобщим фактором общественных трансформаций. При этом обеспечивается ресурсный потенциал диапазона более гибких и мягких реакций на наличие аномальных социально-экономических явлений и периферийных культур. Закрепляются принципиально разнородные структуры. Многие же социальные тенденции все еще только формируются, другие трудно распознать в море прежних закономерностей и уходящих фактов. А внутренние ценности и глубоко индивидуальные смыслы, подходы и взгляды численно небольших групп могут в этот момент приобретать дополнительное звучание на макроуровнях общества, а то и агрессивно навязываться всей ойкумене. Соответственно, ныне ресурсная база эволюционных и революционных изменений исторического процесса, проведения трансформаций и обеспечения общественной стабильности изменилась. Даже характер противостоящих сил гражданской войны

стал другим; оплотом путей стали кочующие из страны в страну банды наёмных ландскнехтов. Именно мультикультурная основа ложится в основу новых моделей глобального управления, формируя отторжение попыток принуждения, культуртрегерства, навязывания своих стереотипов.

Процессуальность (пост)современной реальности культуры, безусловно, очень сложна, попытки насильственно её унифицировать, втиснуть в прокрустово ложе норм и стандартов какой-либо одной цивилизации заведомо обречены на бесплодность. Зачастую идейная стойкость, наличие передового мировоззрения и прогрессивных убеждений, осознанность интересов акторов исторического процесса оказываются столь же значимым параметром общественных трансформаций, как и обостренность чувств части социума, импульсивность и впечатлительность. Возможность и умение ощущения (и предвосхищения) логики происходящего, отзывчивость на назревшие общественные запросы и потребности позволяет состыковывать формы реализации фундаментальных и актуальных пластов социальной практики, опираться на объективные и субъективные предпосылки изменений, сочетать воздействие рациональных и иррациональных измерений, факторов интеллектуальной и художественной культуры.

Вопрос о границах возможного и целесообразного управления при этом становится решающим: иной подход грозит обернуться чередой личных несчастий и общественных бедствий. Автоматы координации и самоуправления в неясном виде содержатся в самой социокультурной структуре, а вовсе не имплантированы в нее неким демиургом насильно. Управление вообще неотделимо от системы и никакая бригада менеджеров не является сепаратным блоком управления. При взаимодействии в структуре культурно-цивилизационного мира тысяч индивидов происходит спонтанная самоорганизация, самонастройка и самосохранение порядков, традиций, ценностей и смыслов, осознать которые во всей полноте немислимо и сверхзадача которых – воспроизводство и восхождение целостности. Социокультурная целостность потому и выживает, что нельзя ни при каких обстоятельствах контролировать её полностью и централизованно. Это, впрочем, совсем не отрицает пользы от применения ресурсной базы и планирования, и управления, и централизации наряду с самоуправлением и децентрализацией. Вместе с тем ограничиваются возможности эффективного государственного вмешательства в частную жизнь населения, определяются грани оптимизации публично-приватного сотрудничества в реализации исторических процессов.

В целом историческое соревнование выигрывали государства, которые опирались на традиции и находки, устойчивость и способность к поиску, широкое заимствование и культивирование специфических особенностей. Вместе с тем, безусловно, каждый этап социальной эволюции открывает (наряду с другими) и потенциально оптимальный сценарий, который часто отвергается при самой деятельном участии прогрессивных сил (жаждущих прищипорить исторический процесс). Избранный в результате скачкообразный путь становится дорогой потерь и разочарований, или реализуется в виде объективно неизмеримо худшей модели того же эволюционного развития, либо в качестве самой революционной ломки всего и вся оставляет за собой пожара и раздор. Тогда как «тихоходные» народы спокойно проживают в то же время очередные этапы трансформации, уходя далеко вперед и сохраняя ресурсные базы. Извечный подход «закономерность исторического явления обратно пропорциональна его духовности» – обретает новое содержание в период глобальной трансформации, где переменяются, взаимно резонируют и ограничивают друг друга самые противоречивые тенденции и ни от одной из них нельзя абстрагироваться без ущерба для анализа. Разумеется, торжество назревших изменений таит потенциальную угрозу деградации общества, его производителей сил. Но верно и другое. «Победоносные», кровоеобильные и воинственные революции часто грешили столь решительным расходом всех ресурсов и перенапряжением нации, что именно

за их стремительным продвижением следовал радикальный отход, а порою и резкое усиление тенденций дестабилизации (и дезинтеграции) общества. Внешне неэффективные (зато эффективные) «компромиссные» модели, напротив, обеспечивали плавную преемственность исторических процессов.

На пороге постсовременности в эволюции возрастает давление факторов неэкономических, недирективных, «тихих», а информационная конкуренция, в свою очередь, выступает определяющим результатом условием диалога культурно-цивилизационных миров. Соответственно, при разнообразии путей социогенеза борьба за возрождение ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира прямо и непосредственно оказывается в числе высших приоритетов социума. Так же, как и ресурсы её воплощения: культура, идеология, наука. И, особенно, образование, сущность которого – не культуртрегерство или натаскивание обрывков знаний, а именно образование личности, её созидание (самосозидание).

Вместе с тем диалектика погруженности/отстраненности в восприятии мифических интерпретаций и направленное их распространение (как индивидуальное, так и социальное) резко расширяют диапазон возможностей информационного манипулирования/контрманипулирования. Соответственно, при модернизации «другой Европы» возрастает мощь косвенной рекламы, мер из арсенала стратегии не прямых действий, мягкой силы, гибкой власти и т. п. в реализации соскальзывания общества согласно приближению центра «окна Овертона» при стимулировании желательных трансформаций [20–25]. Например, в соответствии с теорией Джозефа Овертона, интервал идей, приемлемых для общества в каждый определённый момент и, соответственно, декларируемых политиками, не желающими приобрести репутацию экстремистов, может характеризоваться как окно возможностей, по мере приближения к центру которого идеи последовательно проходят стадии немислимых, радикальных, приемлемых, мудрых, популярных, официальной политики. Их учёт необходим для успешного использования ресурсной базы с целью контрманипулирования, организации воздействия для стабилизации и развития устраивающих тенденций, а также трансформации (локализации, ликвидации, переклочения) нежелательных трендов и предотвращения соскальзывания вдоль них. В частности, использование «окна Овертона» объясняет технологии манипуляции сознанием общества для постепенного принятия им ранее чуждых идей. Планируемые ментальные изменения при этом разбиваются на несколько последовательных шагов, каждый из которых не выводит из текущего положения окна, сдвигая восприятие идей лишь на одну стадию, а общепринятую норму к его границе. Это вызывает последующий сдвиг самого окна, которое должно расположиться так, чтобы достигнутое положение снова оказалось в его середине, что и даст возможность совершить следующий шаг, не выходя из параметров окна.

Таким образом, (пост)современное качество трансформаций предполагает отказ от единственности канона: для «другой» Европы это, в частности, означает, что, да, осовременивание, модернизация общества необходимы. Однако при этом отнюдь не обязательно соответствие стандартам вестернизации. Для успешного проведения общественных трансформаций и эффективного использования социального творчества как их важнейшего фактора необходимо культивировать механизмы не «обязывать», а увлекать, заинтересовывать. Соответственно, для организации форм информационной активности требуется активно опираться на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира в определении приоритетов направленности, каналов, объектов и субъектов, а не пытаться воспроизвести квазиамериканскую имитацию, где стереотипные формы всё равно будут скрывать совсем иное содержание. Необходимость перехода от привычного ранее администрирования к инновационно-синергетическому управлению ведёт при этом к замене «жестких» со-

циальных технологий влияния «мягкими», предполагающими признание децентрации знаний и культуры, а также субъективности, неполноты и внутренней ограниченности представлений каждого. При этом даже ситуативное влияние, основанное на реакции на общественные перемены, которые нельзя было предусмотреть, включает в себя подготовленные модели воздействия, вырабатываемые социокультурной тканью общества.

Дальнейшее развёртывание этого направления предполагает углубление как компаративных исследований в сфере соотношения воздействия и восприятия факторов постглобальных трансформаций, так и особенностей влияния на их течение.

Литература

1. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
2. Лихачёв Д.С. Экология культуры / Д.С. Лихачёв // Избр. труды по русской и мировой литературе. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – 416 с.
3. Меликов И.М. Культура как олицетворение содержания общественной жизни / И.М. Меликов // Ученые записки РГСУ. – 2010. – № 3. – С. 17–25.
4. Меликов И.М. Культура диалога культур как необходимость истории / И.М. Меликов // Гілея. – 2014. – Вып. 82 (№ 3). – С. 311–314.
5. Шедяков В.Е. Социокультурный капитал как условие активизации производительных сил общества / В.Е. Шедяков // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – № 5. – С. 212–215.
6. Пролеев С.В. Культурно-исторические различия разума / С.В. Пролеев // Метаморфозы свободы: спадщина Бердяева в сучасному дискурсі (до 125-річчя з дня народження М.О. Бердяєва) // Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. – 2003. – Вип. 1. – С. 103–118.
7. Шедяков В.Е. Полілог як простір стратегічної конкуренції між культурно-цивілізаційними світами / В.Е. Шедяков // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – № 8. – С. 151–155.
8. Шилов В.В. Равнодушное и циничное «поколение надежд» уральской глубинки? (результаты социологического опроса студентов. Березники/Пермского края) / В.В. Шилов // Власть. – 2014. – № 1. – С. 101–104.
9. Шедяков В.Е. Ценности как феномен общественного сознания / В.Е. Шедяков // Теоретические проблемы развития социализма: тез. Всесоюз. конф. Секция 4. – М., 1984. – С. 27–30.
10. Шедяков В. Система світогосподарських зв'язків переживає стан, близький до інституціональної невизначеності / В. Шедяков // Економіст. – 2015. – № 9. – С. 1–3.
11. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / Т.Н. Грановский. – М.: Наука, 1986. – 427 с.
12. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез / В.П. Алексеев. – М.: Наука, 1989. – 445 с.
13. Решина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков / Л.П. Решина // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 12–22.
14. Шедяков В.Е. Постсовременная геополитика: социокультурное содержание, региональное измерение / В.Е. Шедяков // Регион: проблемы и перспективы. – 1998. – № 2–3. – С. 45–53.
15. Шедяков В.Е. Ценностные корреляты элиты и среднего класса: к вопросу о субъектности модернизационных процессов в регионах / В.Е. Шедяков // Регионы в современном мире – 2014: матер. Междунар. научно-практ. конф. – Пермь, 2014. – С. 26–29.
16. Фуко М. Нужно защищать общество: [курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учеб. году] / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с.
17. Красин Ю.А. Социальное неравенство как политическая проблема / Ю.А. Красин // Полития. – 2007. – № 2. – С. 83–91.
18. Красин Ю.А. Гордиев узел социальной политики / Ю.А. Красин, В.А. Медведев // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 23–29.

19. Тютюнникова С.В. Ценностный аспект экономического стимулирования / С.В. Тютюнникова, В.Е. Шедяков. – Х., 1987. – 53 с.; Деп. в ИНИОН АН СССР 23.06.1987 № 29987 // Новая советская литература по общественным наукам. Серия «Экономика». – 1988. – № 1.

20. Шедяков В.Є. Можливості ефективної організації та стимулювання бажаних трансформацій / В.Є. Шедяков // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – 2010. – Вип. 19. – С. 327–338.

21. Короткова М.Н. Информационное общество: новая государственная политика в области Интернета / М.Н. Короткова // ВУЗ. XXI век. – 2014. – № 1. – С. 79–86.

22. Lehman J. The Overton Window / Joseph Lehman / J. Lehman // Mackinac center for public policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mackinac.org/OvertonWindow>.

23. Ершов Е. Окно Овертона как оружие для правых или почему хорошо, что мы разные / Е. Ершов [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://LiveJournal.com> : Запись в сетевом дневнике. – 20 января 2014.

24. Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – М. : Культурная революция, 2006. – 559 с.

25. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы / В.Г. Федотова. – М. : ИФ РАН, 1997. – 255 с.

Аннотация

Шедяков В. Е. Культура как фактор общественных трансформаций. – Статья.

В статье рассмотрены особенности, возможности и ограничения действия различных аспектов общественных трансформаций под воздействием традиционного, современного и постмодерного состояний культуры. Проанализировано формирование с участием базовых ценностно-смысловых комплексов соотношений между субъективными и объективными, рациональными и иррациональными измерениями осуществления культурно-цивилизационными мирами исторических Сверхпроектов. Духовные и материальные ценности цивилизации исследованы как основное содержание культуры. Их развитие изучено как показатель состояния культурно-цивилизационного мира; а отношение к человеку (прежде всего, качество и продолжительность жизни, права и возможности творческой реализации каждого), с одной сто-

роны, сохранение и наращивание признаков цивилизованности – с другой, как основные критерии прогресса.

Ключевые слова: ценностно-смысловые комплексы, культура, трансформации.

Анотація

Шедяков В. Є. Культура як чинник суспільних трансформацій. – Стаття.

У статті розглянуто особливості, можливості й обмеження дії різних аспектів суспільних трансформацій під впливом традиційного, модерного та постмодерного стану культури. Проаналізовано формування за участі базових ціннісно-смыслових комплексів співвідношень між суб'єктивними й об'єктивними, раціональними та ірраціональними вимірами здійснення культурно-цивілізаційними світами історичних Понадпроектів. Духовні й матеріальні цінності цивілізації досліджено як основний зміст культури. Їх розвиток вивчено як показник стану культурно-цивілізаційного світу; а відношення до людини (насамперед, якість і тривалість життя, права й можливості творчої реалізації кожного), з одного боку, збереження та нарощування рис цивілізованості – з іншого, як основні критерії прогресу.

Ключові слова: ціннісно-смыслові комплекси, культура, трансформації.

Summary

Shedyakov V. E. Culture as a factor of public transformations. – Article.

The specifics, possibilities and limitations of various aspects of public transformations under influence of traditional, modern and postmodern culture status are considered. The forming correlations between subjective and objective, rational and irrational dimensions of the cultural and civilizational world's historic Superprojects with participating of the base value and sense systems is analysed. Spiritual and material values of civilization are researched as the main content of culture. Their development is investigated as an indicator of the state of culture and civilization world; and attitude to man (especially the quality and length of life, rights and opportunities for the creative implementation of each one), on the one hand, maintaining and increasing of signs of civilization, on another one, – as the main criteria for progress.

Key words: value and sense systems, culture, transformations.